

рических дисциплин. Поворот лицом к социальной стороне исторических явлений, «социологический метод», как его не совсем точно называет Маевский, — залог дальнейших успехов польских археологов.

В заключение — это самое важное — пожелаем нашим польским товарищам более внимательно и, главное, основательно изучать произведения Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. Только овладение теорией марксизма-ленинизма — залог правильного пути и успехов в любой отрасли науки, в том числе и в археологии.

Я. А. Ленцман

ВОПРОСЫ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ В БОЛГАРСКИХ ЖУРНАЛАХ

Болгарская историческая наука уделяет значительное внимание вопросам древней истории. Ведущий исторический журнал «Исторически преглед» почти в каждом номере помещает статьи по первобытной и античной истории Болгарии, публикует рецензии на книги болгарских, советских и других историков по вопросам антиковедения. Большое место статьям по древней истории уделено в ежегоднике Софийского университета, в трудах историко-филологического факультета которого регулярно помещаются исследования, связанные с древним периодом истории Болгарии. Весьма ценным изданием являются «Известия Болгарского археологического института», где помещаются статьи не только по древнеболгарской и античной археологии, но и по истории¹. Нередко исследования по античной истории помещают в своих ежегодниках Болгарский библиографический институт и Болгарское историческое общество. В последние два года начали выходить в свет специальные издания двух крупнейших музеев Болгарии — Народного археологического музея в Софии и Народного археологического музея в Пловдиве, где помещаются публикации и исследования материалов новейших раскопок в Болгарии.

Исторически преглед, година четвърта, 1947—1948²

Хр. М. Д а н о в, *Към материалната култура на тракийците презликовата епоха*, кн. I, стр. 15—21. Автор ставит перед собой задачу осветить один из наиболее темных периодов в истории фракийцев, охватывающий время с конца IX до середины V в. до н. э. Археологические свидетельства об этом периоде до сих пор еще отсутствуют, а античная историческая традиция очень противоречива. В то время как гомеровский эпос описывает фракийцев X—VIII вв. как народ, материальная культура которого находится на одинаковом уровне с материальной культурой греков того времени, Геродот и Фукидид подчеркивают низкий уровень развития экономики и духовной культуры фракийских племен V в. до н. э.

В исторической литературе был сделан ряд попыток объяснить эти противоречивые известия теми ударами, которые местная культура должна была понести вследствие нашествия фригийско-мизийских племен. Данов подвергает сомнению достоверность сведений Гомера о фракийцах и предлагает новое объяснение этого противоречия. Он указывает, во-первых, что гомеровский эпос изображает не фракийские племена в целом, а лишь их вождей, героев, материальное состояние которых не характерно для рядовых фракийцев. Во-вторых, он подчеркивает, что Гомер знает лишь прибрежных фракийцев, находившихся под сильным воздействием микенской культуры и отличавшихся от остальной массы их, жившей на север от Родопских гор.

Чрезвычайно интересная проблема, поставленная в статье Данова, скорее должна быть решена в свете второго положения автора, указывающего на резкую разницу в уровне развития прибрежных фракийцев и фракийцев внутренней территории. Первое же и основное утверждение автора неизбежно наталкивается на то возражение, что и

¹ См. ВДИ, 1947, № 2, стр. 94—98.

² Обзор статей по античности, помещенных в журнале «Исторически преглед» за 1946—1947 гг., см. ВДИ, 1948, № 2, стр. 107—108.

при характеристике бытового уклада греков Гомер тоже говорит в основном лишь о вождях-героях, не касаясь жизни низших слоев населения Эллады. Кроме того, следует принять во внимание еще и то соображение, что развитие греков метрополии в послегомеровскую эпоху пошло гораздо более быстрыми темпами, чем развитие фракийцев, и для грека V в. фракийцы могли уже быть отсталым народом.

В. Г е о р г и е в, *Когда са дошли върците в Гърция?* кн. II, стр. 214—229. Автор ставит перед собой задачу исследовать вопрос о появлении греческих племен в Греции на основании некоторых новых археологических и лингвистических данных.

Культура Дичини, характерная для эгейского мира в эпоху позднего неолита (первая половина III тысячелетия до н. э.), появилась в Средиземноморье из Македонии, населенной, по мнению автора, уже в то время фракийцами. Население Греции в эту эпоху не было греческим, так как ряд древнейших географических названий эгейского мира негреческие (Кносс, Тиринф, Ларисса). Следующая, энеолитическая эпоха явилась результатом развития местной неолитической культуры. Население Греции остается до-греческим. В конце энеолитической эпохи эгейский мир испытал сильнейшее разрушение, носителями которого были пришельцы из Трои. Они проникли в Грецию через области южной Фракии и Македонии. Эти пришельцы тоже не были греками, так как географические наименования из Трои носят не-греческий характер. Только в XIII в. начинается переселение греческих племен, а уже в IX в. по всей Греции живет греческое население. Греки уничтожили микенскую культуру и ассимилировали до-греческое население.

К сожалению, большинство утверждений автора основывается только на данных топонимики; сведения же об археологическом материале почерпнуты только из книги английского археолога Хартли о раскопках в Македонии. Автор не использовал ни литературной античной традиции, ни археологического материала, добытого на территории Балканского полуострова.

Отдел критики и библиографии знакомит болгарских писателей с содержанием ряда советских и болгарских книг, вышедших с 1941 г.: М. Ч и ч к о в а (кн. I, стр. 124 и кн. II, стр. 259) рецензирует статьи, помещенные в журнале «Советская археология», т. VIII, и в ТОИПКЭ, I, 1941.

А. А л е к с е е в а (кн. IV—V, стр. 591—593) рецензирует книгу Д. Цончева Contributions à l'histoire du stade antique de Philippopolis, София, 1947, в которой автор отмечает подъем благосостояния города во времена Каракаллы и Элагабала.

С. Г е о р г и е в а (кн. III, стр. 388—396) знакомит читателей журнала с основными этапами развития советской археологической науки.

Исторически преглед, година пета, 1948—1949

Х р. М. Д а н о в, *Към социално-икономическото развитие на източната половина на Балканския полуостров през пЪрвите пет века пр. н. э.*, кн. I, стр. 59—71. Свое исследование автор начинает утверждением, что без изучения экономики фракийских племен немислимо изучение истории греческих городов западного Понта. Исходя из классификации Ф. Энгельса, Данов определяет степень развития фракийцев: главная масса их находилась на высшей ступени варварства.

В первой части статьи автор дает характеристику экономического развития фракийцев на основании данных античной литературной традиции. Он указывает на наличие имущественного расслоения у фракийцев уже в начале исследуемого периода. Знать (γενηται: εὐδαίμονες) считала труд постыдным делом и занималась в основном войной и грабежом. Главная же масса фракийцев занималась земледелием, скотоводством и пчеловодством. Была развита у фракийцев и металлургия.

Во второй, основной, части статьи Данов сообщает те сведения об экономике фракийцев, которые можно извлечь из данных эпиграфики и археологии. Как о том свидетельствуют раскопки при Дуванлий, Мезек и Брезово, еще в середине V в. Афины имели торговые связи с западнопонтийскими городами и фракийцами. Фракия ввозила в Грецию зерно, мед, кэжи, рабов, а вывозила из Аттики вино, масло, керамические

изделия, ткани. Несмотря на поражение Афин в Пелопоннесской войне, аттические изделия продолжали играть основную роль в западнопонтийском импорте IV в., как о том свидетельствуют раскопки 1946—1948 гг. в Аполлонии. Походы Филиппа II Македонского, по мнению автора, сыграли большую роль в развитии Фракии и западно-понтийских полисов: они способствовали строительству новых городов, развитию скотоводства, разработке естественных богатств и оживлению торговли. Монеты и богатые постройки, обнаруженные внутри Фракии, дают возможность говорить об оживленных торговых сношениях Фракии с островами Эгейского моря (особенно с о. Фасосом) и о значительном благосостоянии местной знати в III в. до н. э. Сведения о последних двух веках до нашей эры чрезвычайно скудны. Эпиграфические материалы свидетельствуют о сосредоточении больших богатств в руках знати греческих городов.

Настоящая статья проф. Данова во многом восполняет его исследование по истории западного побережья Черного моря в древности¹ и дает общую характеристику экономическому состоянию Фракии V—I вв. до н. э. Весьма интересно было дополнить статью сведениями о развитии у фракийцев ремесел (металлургии, стеклодувного производства, костерезного ремесла) и рыболовства.

Х р. М. Д а н о в, *Към история на рабството в древна Тракия*, кн. III—IV, 407—417.

В основном автор рассматривает вопросы, связанные с появлением рабов-фракийцев в городах древней Греции и в Риме. Уже во времена Писистрата фракийские рабы и рабыни являлись постоянными фигурами в повседневной жизни Афин; их труд применялся, главным образом, на серебряных рудниках и в домашнем хозяйстве. После успешного окончания греко-персидских войн Афины стали средоточием множества рабов. Цена на рабов в Афинах резко упала (самые дорогие были сирийцы, стоившие 300 драхм, цена раба-фракийца колебалась от 165 до 175 драхм). В этот период труд рабов-фракийцев применялся, главным образом, на рудниках. Во времена Перикла рабы фракийского происхождения, которые жили в Аттике, главным образом в Афинах, имели в Мунихии специальное святилище богини Бендиды. Рабы-фракийцы являются постоянными персонажами новоафинской комедии. Здесь они фигурируют в качестве слуг, продавцов зелени и плодов.

Автор отмечает заметное перемещение рабов с востока на запад в эллинистическое время. В период III Македонской войны римские военачальники проявляли необычайную алчность в добыче рабов из Беотии и эгейской Фракии; об этом достаточно красноречиво говорят жалобы из этих мест в римский сенат. После III Македонской войны в Риме очень возросло число рабов, в том числе фракийцев. Руководитель крупнейшего рабского восстания — Спартак был фракийцем.

В императорскую эпоху рабов закупали из числа жителей пограничных племен. Этим занимались специальные торговцы рабами (*σφακτήμποροι*). После превращения Фракии и Мезии в провинции римляне доставляли рабов в задунайских странах. Походы Траяна и Клавдия II Готского были крупными рабовладельческими операциями.

Развитие рабства в самой Фракии и Нижней Мезии в императорскую эпоху было незначительно, в основном население было свободное. Однако рабский труд существовал в Мезии и Фракии: в надписях из Томи и Никополя на Истре упоминаются рабские содружества — *sodalicia vernaculorum* (*vernaculi* — рабы, родившиеся в доме хозяина). Таким образом, заключает автор, болгарские земли не только входили в рамки античного рабовладельческого общества, но и были главным резервуаром, откуда оно черпало рабские рабочие руки.

Было бы весьма желательно, чтобы автор расширил ту часть своей статьи, где говорится о развитии рабства в самой Фракии и Мезии. Ряд надписей из этих областей говорит о рабах-вольвоотпущенниках, используемых при постройке общественных зданий. Слабое развитие рабовладения во Фракии и Мезии, совершенно справедливо, на наш взгляд, отмеченное Хр. М. Дановым, возможно, следует объяснять сохранением общинных отношений у фракийцев вплоть до славянского периода.

¹ Западният бряг на Черноморското побережие в древността, София, 1948.

В отделе критики и библиографии журнал помещает рецензию С. Георгиевой (кн. I, стр. 115—117) на книгу К. Миятева «Славянская керамика в Болгария и нейното значение за славянската археология на Балкана», София, 1948. Автор рецензируемой работы приходит к выводу, что славянская керамика в Болгарии возникла на местной почве под влиянием балканской позднеимперской керамики. Хр. М. Дянов (кн. II, стр. 234—238) помещает обширную рецензию на учебное пособие Н. А. Машкина «История древнего Рима», в которой отмечает научные и методические достоинства книги и выражает пожелание, чтобы книга была издана и на болгарском языке.

Годишник на Софийския университет. Историко-филологически факултет, т. XLII, година 1945—1946

Д. П. Димитров, *Надгробният медалион от долината на средна Струма през римската епоха*, стр. 1—66. Автор публикует целый ряд надгробий в форме медалиона из областей среднего и нижнего Стримона, р. Вардар и о. Фасоса. Тщательно исследовав места находок надгробных медалионов, автор приходит к выводу, что эта форма надгробий была широко распространена в Италии и в дунайских провинциях — Норике, Паннонии, Дакия и Мезии. В Греции и в провинциях греческого Востока данный вид памятников был распространен весьма незначительно. Это обстоятельство дает основание считать, что широкое распространение медалиона как надгробного памятника в области рек Стримона и Вардара явилось результатом западного римского влияния. Пути проникновения этого влияния резко очерчены местонахождением медалионов. Первый путь — из Италии по морю в Диррахвум и оттуда по *via Egnatia*. Второй путь — из северной Италии по Дунаю и оттуда по долинам рек Морава — Вардар и Искр — Стримон.

Б. Геров, *Латинско-гръцки лексикални взаимоотношения в надписите от балканските земи*, стр. 1—90. Статья автор предпосылает введение, в котором проследживает исторические условия, при которых греческий и латинский языки вошли в непосредственное соприкосновение и взаимно влияли друг на друга. Он подчеркивает различие в степени эллинизации отдельных областей Балканского полуострова к моменту появления здесь римлян. С одной стороны — эллинизированное побережье Черного моря, Македония и южная Фракия, с другой — мало или совсем не затронутые эллинизацией области внутренней Фракии и будущей Мезии.

Автор систематизирует надписи по двум большим разделам. I — латинские термины в греческих надписях и II — греческие термины в латинских надписях. Внутри разделов надписи группируются по тематическим подразделам: военное дело, правовые отношения, меры длины и веса, государственная администрация, религиозные и сакральные термины, театральная жизнь, календарь и летосчисление.

После каждого термина дано перечисление мест находок надписей с упоминанием данного слова. Часто термины снабжены прекрасным комментарием (например, слова *buleuta*, *thracascha* и др.). Продолжение статьи помещено в следующем номере ежегодника.

Годишник на Софийския университет. Историко-филологически факултет, т. XLIII, година 1947—1948

Б. Геров, *Латинско-гръцки лексикални взаимоотношения в надписите от балканските земи* (продолжение), стр. 91—129. Во второй части своего исследования автор отмечает, что латинские термины в греческих надписях сохраняют то же значение, что и в латинских надписях и у латинских авторов. То же можно сказать и о греческих терминах в латинской эпиграфике. Следовательно, эти греко-латинские термины представляют общий элемент обоих языков и характеризуют лексический ассимиляционный процесс на Балканском полуострове в эпоху Римской империи. На этой лексической основе мог быть создан (наверно, с элементами местного фракийского языка) об-

щий язык с различной региональной окраской. Вклад фракийского языка в этот общий язык мог быть из области земледелия, скотоводства, хозяйственного строительства. Большинство латинских слов в греческих надписях относится к военному делу (около 50 слов). Также обозначения мер веса в греческих надписях большею частью латинские. Латинскими терминами в греческих надписях обозначены одежда, продукты питания. Римское исчисление месяцев появляется в Македонии и греческих колониях Черного моря в I в. до н. э. В IV и V вв. римский календарь почти вытесняет греческий и к VI в. его полностью побеждает.

Статья Герова безусловно является важным шагом на пути решения проблемы борьбы эллинизма и романизма в тех провинциях Римской империи, где эти два культурных влияния сталкивались. Нам представляется, однако, что лексической основой разговорного языка во Фракии и Мезии были отнюдь не греческий и латинский языки, как утверждает автор (стр. 91), а фракийский. Надписи не могут служить здесь доказательством, ибо фракийской письменности не существовало, латынь же была официальным языком. Кроме того, надписи ставили обычно наиболее зажиточные люди, которые, как правило, были более эллинизованы или романизованы, чем основная часть населения. Живой разговорный язык жителей Фракии и Мезии следует рассматривать в общей связи со всем комплексом культурного развития страны. Общий же культурный облик исследуемых областей оставался своеобразным, фракийским, как о том свидетельствуют формы быта, фракийские религиозные представления, фракийские имена жителей и то горячее стремление к отделению (не только культурному, но и политическому), которое мы замечаем у фракийцев с первого же момента римского завоевания.

Х р. М. Д а н о в. *Към историческия облик на древна Тракия, II*. Исследование представляет продолжение опубликованной в 1943—1944 г. статьи¹, в которой автор дал критическую оценку сведений греческих авторов (от Гомера до Страбона) об этнографии, географии и истории Балканского полуострова. В настоящей же статье автор делает обзор данных о болгарских землях у древних римских писателей. Работа Данова является незаменимым пособием для каждого исследователя, занимающегося историей Фракии в античную эпоху. Сведения литературных источников по этому вопросу, весьма фрагментарные и разбросанные в многочисленных трудах, собраны автором статьи чрезвычайно тщательно. Не мало места уделено вопросу об источниках того или иного писателя древности, что весьма существенно для определения достоверности сообщаемых им сведений. Пессимистический вывод автора о том, что сведения римских писателей о Балканском полуострове крайне скудны и шаблонны, блестяще опровергается самой работой Данова, показывающей, как много ценного сообщает нам древнеримская литературная традиция.

В. М и к о в. *Българские земли с края неолитната епоха*, стр. 1—18. Наиболее интересным периодом неолитической эпохи в Болгарии является, по мнению автора, период от 3000 до 1900 г. до н. э., к которому относятся большинство неолитических памятников. Благодаря раскопкам 1938—1946 гг., произведенным при Веселиново, Юнаците, Завет и особенно при Михалич (Свиленградский округ) Криподол (Врачанский округ) и Краново (Н. Загорский округ), могут быть установлены четыре различные культуры поздненеолитической эпохи.

Первая из них (около 3000 г. до н. э.) характеризуется керамикой в форме сосудов с высоким горлом, горшков с сильно раздутой нижней частью и низким горлом без ручек или с ручками в виде маленьких горизонтальных палецов.

Вторая культура (около 2600—2200 гг. до н. э.) характеризуется сосудами типа кружки с одной вертикальной ручкой, заканчивающейся цилиндрическим отростком, и широкими сосудами на четырех высоких ножках.

Третья культура относится уже к эпохе энеолита (около 2200—1900 гг. до н. э.). В этой культуре появляются первые медные предметы. Формы керамических изделий однообразны — обычно это плоскодонные сосуды с вздутой средней частью и низким горлом. Значительная часть их украшена рельефным или вдавленным орнаментом.

¹ См. т. XL, стр. 1—61 того же издания.

инкрустирована или окрашена красной охрой. В украшениях преобладают прямые геометрические формы, но встречаются также и спиральные пояса, круги и т. п.

Четвертая культура развивалась одновременно с третьей в северо-западной части Балканского полуострова. Для нее характерны сосуды с двумя противоположными ручками, украшенные рельефными бороздками или вдавленным орнаментом в виде кругов и меандра.

Все четыре культуры относятся к первой ступени варварства по классификации Энгельса. Статья Микова подводит итог многочисленным раскопкам неолитических поселений в Болгарии и является чрезвычайно важной для их датировки. В новых археологических исследованиях датировка Микова принимается безоговорочно.

Д. П. Дмитриев, *Археологические исследования на граф Луиджи Марсили и Българските земи в края на XVII век*, стр. 1—62. Статья посвящена исследованию итальянского ученого конца XVII в. Луиджи Марсили «*Danubius Pannonico-Mysicus, observationibus geographicis, astronomicis, hydrographicis, historicis, physicis perlustratus*», изданному в Амстердаме в 1726 г. Первый том труда Марсили посвящен географии дунайских земель: на картах и чертежах Марсили указывает места, в которых им были замечены античные памятники. Второй том исследования посвящен археологии Балканского полуострова.

Несмотря на неточности в тексте (в основном они относятся к сообщениям о восточных областях Балканского полуострова), книга Марсили имеет большую ценность для занимающихся античной историей Дуная.

Годишник на Народния археологически музей Пловдив.

Кн. I. София, 1948

Статья, написанная П. Детевым, посвящена результатам раскопок энеолитического поселения на холме Ясатепе в Пловдиве. Керамика, найденная при раскопках, инкрустирована или украшена вдавленным орнаментом в виде спиральных линий. Здесь же открыт дом, стены которого сделаны из обмазанной плетенки из прутьев. Форма дома — четырехугольная, в центре — очаг. Наибольший интерес представляет глиняная лампочка, фигурки козла, ручная мельница, вмазанная в пол, глиняные идолы в виде женских фигур и фигур быка, собаки и других животных, а также предметы из глины и камня (глиняные ложки, каменные топоры). Поселение должно быть датировано 2500—1900 гг. до н. э.

Д. Цончев в статье «Антична могила гробница при Оризово» (стр. 15—25) публикует результаты раскопок фракийской гробницы в Чирпанском округе, произведенных летом 1945 г. Погребение в деревянном гробу было перекрыто курганной насыпью, состоящей из запала необработанных камней и слоя земли высотой 1,8 м и диаметром 17 м. Могильный инвентарь состоял из железного оружия (меч, копье), бронзовых сосудов (ойнохоа, ситула, чаша) и украшений, среди которых наиболее интересны бляшки с изображением грифонов в скифском зверином стиле. Погребение может быть датировано IV в. до н. э.

В статье «Старото селище при Брани поле» (стр. 35—47) Цончев публикует вновь открытые памятники из античного селища около Брани поле в окрестностях Пловдива. Поселение здесь существовало с энеолитического времени до раннего средневековья, как показывают ранее сделанные находки. Среди вновь публикуемых памятников — два фрагмента греческих надписей римского времени, несколько обломков мраморных рельефов с изображениями Героя, Зевса и Геры в колеснице, а также рельеф, посвященный Дионису, с изображением сбора винограда сатирами. Особенно интересны два рельефа с изображением бога Сильвана в сопровождении собаки. Кроме того, найдены там же фрагмент мраморного жертвенника и несколько монет II—III вв. н. э.

Л. Ботушарова публикует ряд новых памятников, найденных в различных районах Болгарии («Антични паметници от България», стр. 49—56). Среди них — семь вотивных мраморных рельефов с изображением Геры, найденные в с. Белащица и

с. Кричим, в Бачковском монастыре и неизвестного происхождения; мраморный рельеф с изображением Зевса, Геры и трех нимф из с. Брезово; фрагмент мраморного алтаря Зевса с изображением буйвола, происходящий из с. Куклен Пловдивского округа где в римское время, видимо, было святилище Зевса и Геры; бронзовый бюст Гермеса с инкрустированными глазами из с. Марково, две бронзовые статуэтки Геракла из с. Стоян Займово и из с. Новосел; бронзовая статуэтка и бронзовая маска Силенна из окрестностей Стара Загора.

Перу Ботушаровой принадлежит также статья «Тракийского святилища при Дюлево» (ст. 61—74), содержащая публикацию материалов раскопок Пловдивского музея, проведенных в августе 1947 г. в местности Градището около с. Дюлево. Раскопки имели целью вскрытие фракийского святилища, известного ранее по отдельным находкам. Г. И. Кацаровым уже давно было высказано предположение (АА, 1929, стр. 303 сл., RE VI A, стб. 514), что святилище это было посвящено Гере. Найденные в 1947 г. в большом количестве (39 экземпляров) вотивные рельефы с изображением Геры подтверждают это предположение. Всего с ранее найденными из этого святилища происходят 69 рельефов с изображением Геры. Кроме того, найдены три рельефа с изображением Зевса и несколько с изображениями других божеств (Гермеса, Кибелы, Гекаты) и нимф. Само святилище имело прямоугольную форму (размер 8×4 м), было выстроено из необработанного камня на глиняном растворе и крыто черепицей. Согласно предположению Г. Кацарова, святилище принадлежало фракийскому племени великокойлалетов и функционировало в римскую эпоху до конца IV в.

В небольшой заметке «Thracica» (стр. 57—59) И. Руссу вносят некоторые поправки в чтение нескольких греческих и латинских надписей, опубликованных ранее в различных археологических и эпиграфических изданиях.

Большое место в ежегоднике занимает работа Д. Цончева «Старините по североизточните склонове на Еленския и Сливенския Балкан» (стр. 113—152). Автор дает обзор всех памятников древности на северных склонах центральных Балкан между Железными воротами и проходом Хайн-боаз (Сливенские и Еленские Балканы) и на основании этого обзора составляет археологическую карту района. Доисторическая эпоха представлена несколькими отдельными находками позднеэнеолитических шлифованных топоров и наконечников копий; к античному периоду относятся находки нескольких мраморных рельефов с изображениями фракийского всадника и Диониса, серебряные тетрадрахмы Александра Македонского, варварские подражания тетрадрахам Филиппа и римские императорские монеты II и III вв. н. э.

В заметке «Народният археологически музей в гр. Пловдив» Цончев дает краткую историю Пловдивского музея и его состояния на 1947 г. Нельзя не отметить знаменательного факта — непрерывного и быстрого роста посещаемости музея в 1945—1947 гг. (с 11 до 61 тыс.), отражающего общий расцвет культуры в Народной республике Болгарии.

В разделе «Археологически вестии» помещены статьи Н. Петкова о раскопках неолитического поселения на холме Гинова могила, около Челопеч (стр. 159—171), обзор вновь открытых доисторических селищ в Южной Болгарии П. Детева (стр. 172—181), обзор находок различных археологических памятников в Болгарии Л. Батушаровой и Д. Цончева (стр. 182—190) и материалы к археологической карте Болгарии Д. Цончева (стр. 190—202).

Годишник на Българския библиографски институт, т. I, София, 1949

Г. И. Кацаров, *Към старата история на долината Струмската област*. Автор излагает политическую историю фракийского племени бисалтов, живших к западу от р. Стримон. Область нижнего Стримона играла значительную роль в культурной и экономической истории древности. С полным основанием автор считает что, вопреки сильному влиянию эллинизма в прибрежной южной Фракии и греческому владычеству, местные фракийские племена сохранили свои племенные особенности и даже оказали известное влияние на римских колонистов г. Филиппы. Об этом свидетель-

ствуют многочисленные фракийские имена, сохранившиеся в эпиграфических документах римской эпохи.

И. Велков, *Принос към изучавания бита и религията на Старите траки*. Известный труд Г. П. Капарова «Битът на старите траки», вышедший в 1913 г., должен быть теперь дополнен теми сведениями, которые дают о быте и религии фракийцев новые археологические открытия. Автор указывает на ряд фракийских крепостей и селений, относящихся в основном к I тысячелетию до н. э. Главные из них находятся в скалистой области Граово (Брезнишката околия), где на сравнительно небольшой площади сосредоточено до десяти крепостей. При строительстве их фракийцы широко использовали скалы и располагали свои крепости на неприступных вершинах. Фракийские крепости в Граово дают интересный материал и для изучения религии.

Д. П. Димитров, *Един изчезнал римски саркофаг от Видин*. Статья посвящена одному из частных вопросов истории провинциального искусства дунайских областей II—III вв. н. э. Среди археологических памятников дунайских земель, описанных итальянским ученым XVII в. Марсили, находится саркофаг из г. Видин. Памятник этот бесследно исчез, но в книге Марсили имеется его изображение в гравюре: две юношеские фигуры, стоящие по бокам лицевой стороны саркофага, держащие в одной руке пальмовую ветвь, а другой поддерживающие посвяtitельную доску; под фигурами юношей — изображение волка или собаки. Такая композиция характерна для изображений на саркофагах из дунайских земель. В ней сочетались черты эллинистического искусства (большое поле посвяtitельной доски, обрамленное двумя фигурами) с чертами местного фракийского творчества (изображение волка, собаки, всадника под обрамляющими доску фигурами).

*Известия на Българското историческо дружество, кн. XXI,
София, 1945*

Д. П. Димитров, *Копие от една еллинистична стипуларна група из Августа-Траяна*, стр. 1—21. Объектом исследования явилось рельефное изображение одного из подвигов Геракла — борьбы с амазонкой Иполитой, высеченное на известняковой плите из г. Стара-Загора (древняя Августа-Траяна). Сюжет борьбы Геракла с царницей амазонок Иполитой неоднократно был использован в античном искусстве, однако только в рельефе на саркофаге из Феспий, находящемся теперь в Афинском музее, можно найти аналогию к разбираемому рельефу из Августа-Траяна.

Д. Крънджалов, *Един «прабългарски» вал, който не съществува*, стр. 33—60. Статья направлена против теории болгарского археолога К. Шкорпила и некоторых других болгарских историков, утверждающих, что праболгары создавали окопы и валы по всей границе своего государства и что, в частности, северной границей болгарского государства Аспаруха-Тервела был вал в Валахии, соединяющий берег Дуная под Турну-Северил с берегом этой же реки под Ерайловым, т. е. пересекающий Малую и Большую Валахию. Крънджалов утверждает, что, во-первых, вал шел в основном только через Малую Валахию, как о том сообщают исследователи Шухардт и Памфил Полоник. Во-вторых, автор датирует вал в Малой Валахии римским временем и считает, что он был построен во времена Клавдия и Нерона. Вопрос об отсутствии вала в Большой Валахии следует считать решенным. Для датировки же вала в Малой Валахии временем Клавдия — Нерона у автора нет, на наш взгляд, достаточных оснований, так как археологические, эпиграфические и литературные свидетельства, которые подтверждали бы это утверждение, отсутствуют.

Г. Михайлов, *Един неиздаден гречки надпис от София*, стр. 117—118. Автор публикует фрагменты греческой надписи из Софии в честь Антонина Пия и его приемных сыновей Марка Аврелия и Вера.

В отделе критики и библиографии журнал помещает ряд рецензий Д. П. Димитрова (стр. 145—159). В рецензии на первый том «Всеобщей истории архитектуры» Димитров называет книгу ценным и своевременным сочинением. Он же рецензирует статьи, помещенные в IX вып. КСИИМК. В рецензии на книгу Д. Крънджалова

«Валопете в Добруджа и Бесарабия и прабългарската теория», София, 1942/43 г., автор рецензии приходит к выводу, что для полного разгрома сторонников прабългарской теории Крънджалову необходимо дополнить свои чисто логические выкладки данными археологических раскопок и новых исторических исследований. В общем же книга сыграла, по мнению рецензента, положительную роль, так как некоторые болгарские ученые в своих трудах по истории Болгарии сняли утверждение о прабългарском происхождении валов.

* *
*

Болгарская историческая наука об античности с сентября 1944 г. получила возможность ставить во всей широте кардинальные вопросы древнего периода истории своей страны. Большинство болгарских историков, выступающих в печати, стремятся правильно использовать марксистско-ленинскую методологию и часто обращаются к трудам классиков марксизма-ленинизма. Вопросы экономического развития и материального производства Фракии, ранее оставлявшиеся без внимания, в последнее время стали предметом исследования крупных болгарских историков (Хр. М. Данов). Преодолевая буржуазную историографическую традицию, согласно которой история сводилась к действиям «завоевателей» и «покорителей», болгарские ученые приступили к изучению истории производителей материальных благ, истории трудящихся масс. Должное место начинают занимать вопросы рабовладения в древней Фракии и Мезии, причем развитие рабовладения ставится в зависимость от развития производительных сил страны. Как уже отмечалось¹, начинают освещаться вопросы, связанные с классовой борьбой в рабовладельческом обществе (работы Д. П. Димитрова и др.). По-новому ставятся вопросы культурного развития фракийцев. Теория, сторонники которой говорили о полной эллинизации местного фракийского населения и совершенно не учитывали развития местной фракийской культуры, нашла должный отпор на страницах болгарских журналов. В ряде статей болгарские исследователи (Г. И. Капаров, Д. П. Димитров) указывают на специфические особенности фракийской религии, искусства и культуры, сохранившиеся несмотря на ивизирующую силу эллинизации и поздней романизации. Хотелось бы отметить также как положительное явление большой интерес болгарских историков античности к тем работам и исследованиям, которые издаются у нас в Советском Союзе.

Таким образом, есть все основания утверждать, что после вступления Болгарии на путь народной демократии в болгарской исторической литературе об античности четко проявляются новые, прогрессивные тенденции. Тем не менее следует отметить, что работы, связанные с историей культурного развития Фракии, все еще являются основной тематикой в болгарской периодике, тогда как вопросы экономики, производства, производственных отношений стали лишь в самое последнее время (1948—1949 гг.) предметом исследования отдельных историков (главным образом, проф. Данова). Вопросы же культурного развития решаются зачастую без всякой связи с ходом экономического развития древней Фракии.

Многого заставляют желать отделы критики и библиографии болгарских журналов. Журналы помещают рецензии только на болгарские и советские работы; рецензии, за небольшим исключением, сводятся в основном к изложению содержания рецензируемых работ, так что отношение и оценка рецензента остаются неизвестными. Кроме того, редакции забывают о необходимости воспитывать болгарских читателей в духе критического отношения к работам буржуазных западноевропейских и американских историков и совершенно не помещают рецензий на их книги.

Несмотря на то, что мы всячески приветствуем работы и статьи крупных и заслуженных историков Болгарии, было бы желательно также знать, над чем работают молодые болгарские исследователи древней истории, статей которых мы почти не встречаем на страницах перидической печати.

¹ ВДИ. 1950. № 1, стр. 162.

Большинство работ болгарских историков относится к истории их страны. Это обстоятельство свидетельствует о большой любви болгарских исследователей к своей родине и ее истории, тем более, что болгарские земли целиком входили в круг земель античного мира и сохранили богатейшие памятники материальной и духовной культуры того времени. Хотелось бы, однако, на страницах болгарской печати видеть также и статьи, посвященные общим проблемам античной истории, без глубокого изучения которых немыслимо правильное понимание хода исторического развития вообще и античного периода в истории Болгарии в частности.

Г. Д. Златковская

G. W. BOTSFORD and Ch. A. ROBINSON Jr., Hellenic history, New-York, 1948, 509 стр. + 105 табл.

Рецензируемая «Греческая история» Ботсфорда и Робинсона по замыслу издателей и авторов должна была стать незаурядным событием в американской литературе по древней истории и представляет собой, по видимому, максимум того, на что способны античники США. Книга выходит третьим изданием, что само по себе уже является совершенно исключительным событием в Америке. Издатели приложили все усилия, чтобы создать у читателя впечатление большой ценности, добротности и высокого научного уровня «Греческой истории». Приложение из сотни таблиц на меловой бумаге, многочисленные иллюстрации в тексте, карты и планы, глоссарий, библиография, указатели, наконец, все внешнее оформление должны возбудить доверие к содержанию книги и, следовательно, к концепции авторов. Ко всему этому следует еще прибавить, что фирма Мак-Миллана, которая выпустила книгу в свет, является самым крупным научным издательством в США и в Англии.

Авторы рецензируемой работы далеко не дебютанты и не случайные фигуры в ученом мире США. Умерший в начале 20-х гг. Ботсфорд был типичным представителем старшего, отживающего свой век, поколения американских историков античности конца XIX — начала XX вв. Он читал курс древней истории в Колумбийском университете, интересовался веком Перикла, специализировался по вопросам афинской конституции и по источниковедению. Изданная им в 1920 г. в сотрудничестве с Шайлером «Греческая цивилизация» до сих пор еще считается образцовым пособием для студентов американских вузов. Ботсфорд представляет собой тип недалекого, ограниченного, поверхностного, но все же добросовестного буржуазного профессора, не столько ученого, сколько популяризатора.

Совсем другие веяния чувствуются в биографии типичного представителя современных американских «ученых» — соавтора рецензируемой книги. Ш. А. Робинсон (младший) преподает классическую археологию и древнюю историю в Брауновском университете штата Род-Айленд. Он участвовал в американских раскопках на афинской агоре, долгое время занимался историей походов Александра Македонского. В годы второй мировой войны он переключился на более актуальную для американского империализма тему о «федеративных объединениях» в Элладе, а затем, учтя конъюнктуру, решил «освежить» свою старую тематику и преподнести ее американскому читателю под новым соусом. Его вышедшая в 1947 г. книга «Александр Великий: встреча Востока с Западом в мировом правительстве и братстве»¹ прекрасно свидетельствует о деловых способностях ее автора, но показывает не столько его знания, сколько поразительную деградацию истории античности в США, которая нацелена ее на научное исследование древней истории, а на идеологическое обоснование бредовых мечтаний американского империализма о мировом господстве.!

Тем не менее, — а может быть, вернее именно поэтому, — книга Робинсона встретила блестящие отзывы американских рецензентов. Один из них, некий Кент, заявляет:

¹ Ch. A. Robinson, Jr., *Alexander the Great: the Meeting of East and West in World Government and Brotherhood*, N. Y., 1947, 252 стр.